





Глава 1

*Вех ядовитый растет кустами высокими
да широкими. Стебель прямой, жесткий, а внутри
пустой. Листочки тонкие, острые, на перышки
похожи. Цветы белые, мелкие, собраны в одну
плоскую шапку, размером чуть меньше ладони.*

Разветвляется сильно.

*Самая ядовитая часть — корень да его смола.
Корень крепкий, с кулак шириной, а ежели разрезать,
то с разделениями, где смола собирается.*

*При отравлении начинает сперва голова болеть,
затем корчи начинаются, рвота, пена на губах.*

*Помочь можно солью с золой, но только если дать
сразу и если невелико количество яда съедено.*

Из аптекарских записей Нины Кориари

Зарождающееся утро нарушил резкий крик чайки. Среди больших валунов, подходящих к городской стене Константинополя, на сырой от росы гальке белела маленькая скрюченная фигурка.

* * *

Утро у Нины началось рано. Проснулась она еще до рассвета, пыталась уснуть опять, да не шел сон. Промаявшись так до первых лучей, поднялась, наскоро помолилась. Вышла во внутренний дворик, где под навесом были расставлены узкие столы для сушки корней, сверху натянуты веревки для трав. Надо раскладывать

все опять — на ночь она прятала растения в дом от ночной росы.

Нина достала скатанные рулоны холста, расправила на столах, проверила, сколько надо еще сушить лавровый лист и золототысячник, разложила аккуратно. Вдохнула горьковатый запах, пробежалась пальцами по сморщенным желтым цветочкам и вошла обратно в дом, на ходу подбирая свои непослушные кудри и завязывая в платок.

Выпив яблочного настоя с чабрецом и перекусив парой запеченных с вечера яиц, аптекарша принялась за работу. Солнечные лучи уже заглядывали в окошко, переливаясь радугой на склянках и венецианских флаконах, когда раздался шум, быстрые шаги, стук в дверь.

— Случилось что? — всполошилась Нина, по привычке хватая холщовую суму со снадобьями да набрасывая на голову мафóрий¹, без которого порядочной женщине на улице показаться нельзя. Распахнула дверь, заслонила ладонью глаза от солнца. Перед ней стоял запыхавшийся молодой стратиóт² из городской охраны. Видать, всю дорогу от стены бежал.


— Нина-аптекарша ты? — спросил.

Вглядевшись внимательнее, Нина отметила потерянное выражение лица, и в груди у нее похолодело от неприятного предчувствия.

¹ Мафóрий — покрывало в виде платка, брошенного на голову и плечи.

² Стратиот — воин, солдат.





— Что случилось-то? — наскоро запирая аптеку, спросила она.

— Там... мальчик. У стены. Мертвый.

Нина, охнув, на мгновение замерла, повернулась к принесшему страшную весть. Прижала ладонь к губам.

— Мальчик?! — прошептала она.

Молодой воин только грустно развел руками и отвел глаза, губы его дрогнули. Перекрестившись, Нина севшим голосом выдохнула:

— Веди. Да рассказывай подробнее.

— Мальчик, худой, лет десяти. Синий весь какой-то. Вызвали сикофанта¹. Он сказал, врачеватель тут не поможет. Пусть позовут аптекаря. Декарх² велел мне тебя привести. Сказал, ты разберешься. — Стратиот говорил отрывисто, все еще пытаясь отдышаться.

— Мальчик-то чей? — Ком в горле мешал говорить. Слова с трудом проталкивались через подрагивающие губы.

— Да вроде подмастерье из кузницы. Руки у него в ожогах, фартук кожаный. Видать, послали заказ отнести, а он вот...

— Что сикофант говорит?

— Да ничего такого, что при почтенной женщине повторить можно. Поминает всех: и стражу, и аптекарей, и кузнецов... А мы-то чем виноваты? Ночью штормило, ничего не слышно было. А утром... вот...

¹ Сикофант — доносчик, здесь: дознаватель, сыщик.

² Декарх — офицер, десятник.

Солнце уже пекло немилосердно. Нина со спутником старались держаться в тени, под портиками домов, что в районе гавани встречались все реже.

Нина запыхалась, вытирала лоб покрывалом. Жаркая весна в этом году выдалась. Сквозь домашние сѳкки¹ Нина чувствовала подошвами нагретые камни улицы.

У стены собралась уже небольшая толпа, говорили вполголоса, кто-то всхлипывал. От городского рва доносилась вонь нечистот. С берега пахло рыбой, гниющими водорослями, оставшимися после зимних штормов. Ноги вязли во влажном песке.

Нина и ее спутник подошли к столпившимся. Люди, тихо переговариваясь и поглядывая на Нину, расступились перед стратиотом. Он подошел к грузному мужчине с восковой табличкой в руках, склонился:

— Почтенный Никон, я привел аптекаря.

Нина тоже сдержанно поклонилась и произнесла негромко:


— Господь в помощь.

Сикофант повернул к ней бледное лицо с сероватой кожей и набрякшими веками, поморщился:

— Хорошо бы... ты, что ль, аптекарша?

Нина кивнула.

¹ Сѳкки — кожаная мягкая обувь, закрывающая всю стопу.



Сикофант молча на нее смотрел. Под неприязненным его взглядом Нина нервно заправила локон, выбившийся из-под мафория. Красавицей себя назвать она никак не могла. Худа, чернява, одно богатство и было — волосы, да и те прятала. Хоть и говорила ей подруга, что она ликом на мраморные статуи похожа, Нина знала, что не привлекательна. А потому с людьми держалась строго и скромно, но без подобострастия.

Сикофант нахмурился, видать, не по нраву ему пришлось аптекарша. Нина отметила для себя его покрасневшие глаза, напряженное выражение лица, неприятный запах изо рта, когда он раздраженно выдохнул. Видать, и позавтракать не успел, а тут еще и мальчика убили — не с чего ему в такое утро аптекаршу приветать.

Нина торопливо наклонилась над худеньким тельцем, скрюченным, со сведенными судорогой пальцами рук и ног. Лицо было прикрыто тряпицей.

Отведя грязную ткань в сторону, она неслышно ахнула и, опустившись на колени, зашептала молитву. Пока шептала, да осматривала, да принюхивалась, вплетала слова «лицо синюшное», «пятна на шее», «на губах кровь», «худенький-то какой, Господи, упокой душу его», «мучился, бедный». Быстро глянула на камни, островками подступающие к городской стене.

Поднявшись с колен и вытерев украдкой слезы, обратилась к сикофанту:

— Я тут помочь не могу, почтенный. Отравили ребенка, нехристи, чтоб им такой же смертью умереть.

— Уж без тебя догадался, что отравили. Чем, рассказывай? Да где этот яд купить можно? — Он не отводил глаз от аптекарши.

Понятно, к чему разговор, только Нине скрывать нечего.

— У меня такого яда не покупали, — отрезала она. — Кто еще его продает — не знаю, может, и гости заморские привезли. Местные-то законы ведают, нет таких смелых среди аптекарей, чтоб поперек указов идти.

— Да вам, торгашам, законы что птичий свист, лишь бы загрести поболее. Да и откуда ты, женщина, законы знаешь? Вот, первая прибежала — видать, хвост горит.


— Да ты же сам за мной послал!

— Я за тобой не посылал, я велел привести аптекаря. А ты кто? Глупая баба, одни притирания да помады на уме. Слышал я про тебя. Сама небось продала яд кому да и забыла. Так ведь?! — Последнюю фразу он почти выкрикнул, подавшись к Нине.

Та отшатнулась:

— Господь с тобой, меня позвали, что ж я, отказываться буду. А позвали меня потому, что аптека моя ближайшая к гавани. Да декáрх Лебнтий меня знает хорошо...





— Ох, молчи лучше, — рявкнул Никон. — От вас, женщин, один шум и беспокойство. Доложу эпарху¹, что ты под подозрением большим. Пусть твою аптеку прикроет — меньше хлопот всем будет.

— Да за что же, уважаемый?! — Нина тоже перешла было на крик. Но под злобным взглядом сикофанта поутихла. Ведь и правда закроют да в казну заберут — виданное ли дело, чтобы женщина одна торговлю вела.

Нина запаниковала:

— Дай я хоть сама поговорю с аптекарями да врачевателями, узнаю, может, кто спрашивал или покупал...

— Ты-то что узнаешь? — нахмурился сикофант. — Бабы сплетни одни, так они тут без надобности. Иди уже, я с эпархом говорить буду.

— Ой, и где тот эпарх?! — повысила было голос Нина, спохватившись, перешла опять на почтительное обращение. — Почивает небось, может, только завтракать собрался. И тебя, уважаемый, дальше порога не пустят. Да отговорятся, чтобы не ходил лишний раз, из-за нищего подмастерья почтенных людей не беспокоил, — указала рукой в сторону трупа мальчишки.

Сикофант царапал что-то на табличке, бормотал небогоугодное себе под нос. Шум прибоя и резкие крики чаек заглушали его слова.

¹ Э п а р х — градоначальник Константинополя.

Наконец он убрал табличку в суму на поясе, поскреб подстриженную бороду.

Нина смиренно наклонила голову, шагнула чуть ближе.

— Дай мне хоть немного времени — за что ж на меня поклеп возводить зря? Я что выясню, все тебе и доложу. Тебе опять же меньше хлопот. Там, где служивого на порог не пустят, я в боковую калитку зайду. Глядишь, и тебе подмогну, и себя оберегу от наветов пустых. — Нина говорила торопливо, заглядывая сикофанту в лицо.

Тот молчал.

— У мальчика ведь, наверное, мать есть? Я с ней поговорю, посочувствую, может, она что про душегуба скажет. И с кузнецом. Дай хоть пару деньков, о чем разузнаю, тебе сразу пошлю весточку.

Сикофант махнул солдатам рукой, чтобы унесли тело. Чуть повернув голову в сторону Нины, процедил тихо:


— После зайду, поговорим. А если что важное узнаешь, найди меня сама. Никоном Хаке-ниосом меня зовут.

Аптекарьша кивнула, повернулась и быстро пошла обратно, склонив голову и сердито шепча что-то.

* * *

Нина металась по аптеке. Утреннее происшествие никак не шло из головы, и все валилось из рук. Подмастерье уже наградила оплеухой, когда подсунулся не вовремя.





Чтобы вернуть себе душевный покой, села за работу. Обычно ее успокаивало мерное движение пестика при растирании семян лаванды с распаренными овсяными зернами. И нежный запах, поднимающийся от ступки, настраивал на спокойный и благостный лад, уходили тревоги. Так и в этот раз, пока готовила снадобье, пока смешивала с виноградным маслом, успокоилась немного. Переложила смесь в глиняный горшочек, отставила в сторону, накрыла промасленной тряпицей.

С мелкими заказами Нина справилась, послала подмастерье разнести их. Закрыв аптеку, она пошла вверх по Мезе¹ к пекарне, где хозяйничала статная смешливая Гликерия, давняя ее подруга. На скамеечке у входа увидела сторбленную фигуру. То был отец Гликерии, старый Феодор. Сколько лет ему было, никто и не помнил. Двух жен он пережил. Дочери от первой жены уже своих детей растят, живут далеко.

Вторая жена Феодора была сильно моложе его. Родила сперва Гликерию, а позже вторыми родами умерла, успев еще дать жизнь сыну. Тот тоже на этом свете надолго не задержался, утонул, будучи еще мальцом. Каждая семья в большом городе родных и любимых теряла, не обошла судьба и Феодора.

Пекарня его была известна в Константинополе. Горожане приходили к Феодору за пыш-

¹ Меза — главная улица Константинополя.

ными лепешками, за нежными милопита́кья¹, за тающими во рту лукума́десами², а уж за рогаликами из многослойного теста присылали даже из самых богатых домов. Здесь выпекали ароматный хлеб силигнитис — из лучшей муки, для богачей, а для горожан победнее — сеидалитис, что из муки попроще.

Феодор со временем передал все дела младшей дочери, только с гильдией и епархом сам договаривался. Красавица Гликерия в положенные пятнадцать лет замуж вышла за хорошего человека, хоть и приезжего. Дела они вели дружно да умело. И с купцами договориться выгодно могли, и таверну при пекарне завели небольшую, где можно было свежим хлебом перекусить и недорогим вином запить. Все у них ладилось, но и в этот дом беда наведалась. Както в праздник возвращался муж с ипподрома, а подвыпившие патрикии³ на колеснице решили по Мезе прокатиться. И лошадьми многих прохожих потоптали. Погиб и он под колесами пьяных богачей. Претор⁴ тех патрикиев из города изгнал, но сперва заставил выплатить семьям убитых по десять золотых солидов⁵, да

¹ Постные яблочные пирожки.


² Круглые сладкие пончики.

³ Патрикий — высокий византийский титул, который жаловался императором и не передавался по наследству.

⁴ Претор — судья.

⁵ С о л и д (номисма) — золотая монета Византии, ок. 4,55 г золота.





разве деньгами кого воскресишь. Так и осталась Гликерия одна с бабушкой.

Отца своего Гликерия обожала, заботилась, как о маленьком ребенке. Он тоже в дочери души не чаял. Соседи его уважали, увидев старика, кланялись, подходили за советом, присаживались рядом, разговоры вели. Нина тоже любила с ним беседовать, опять же, совет выслушать, просто на судьбу пожаловаться, а то иногда и помолчать, душой отдыхая.

И в этот раз, увидев его на улице под портиком, обрадовалась. Нащупала в суме припасенную мазь для суставов, что беспокоили старика, особенно по весне. Подойдя, поклонилась, спросила разрешения присесть. Тот, оторвав глаза от деревянной чаши, по краю которой вырезал узор, ласково улыбнулся, по-стариковски щурясь:

— Садись, Нина, рассказывай. Что случилось, зачем к стене бегала поутру.

Нина только головой покачала, не особо удивляясь. Старец знал все, что происходило в городе. Какие птицы ему вести приносили, как он про все важное узнавал — непонятно. Но люди говорили, Феодор все знает, а что не знает, то и не важно или знать не положено. Разговаривал Феодор со всеми, да со всеми по-разному. С одними ласково, с другими строго, с кем-то жалостливо, как чувствовал, что каждому надо от него услышать. И всем помо-